

Проклятый тираж

Остросюжетная новелла на одну ночь
о проклятых чернилах, цене слова
и запретной близости

18+

Андрей Воронин

Проклятый тираж

«Автор»

2026

Воронин А. П.

Проклятый тираж / А. П. Воронин — «Автор», 2026

Остросюжетная новелла о цене слова, запретной близости и о том, как далеко можно зайти, когда текст начинает писать тебя. До публикации «Чернил мёртвых слов» — 7 дней. Сигнальный экземпляр ещё тёплый. На 300-й странице Вера находит описание собственной смерти сегодня в 00:15. Тормоза отказывают. Её спасает автор Кристиан. Его чернила меняют реальность. Каждая строчка требует крови. Чтобы выжить, Вера должна сама переписать финал — даже ценой памяти.

© Воронин А. П., 2026

© Автор, 2026

Андрей Воронин

Проклятый тираж

ПРОКЛЯТЫЙ ТИРАЖ

Остросюжетная новелла о цене слова, запретной близости

Аннотация

До официальной публикации романа «Чернила мертвых слов» осталось семь дней. Сигнальный экземпляр ещё тёплый. Чернила ещё сырые.

Младший редактор Вера Корсакова приходит в ночную типографию на Фонтанке, чтобы подписать акт приёмки. На трёхсотой странице она находит рукописную вставку фиолетовыми чернилами. В ней с пугающей точностью описана её собственная смерть — сегодня, в 00:15, в холодной воде Фонтанки.

Тормоза её старой «Тойоты» действительно отказывают. Её спасает человек, которого она ненавидела все эти месяцы, — сам автор, пишущий под псевдонимом Кристиан.

Его чернила не просто слова. Они меняют реальность. Каждая строчка требует платы: воспоминание, кровь, чужую жизнь. Издательский дом «Слово» знает об этом и использует магию как идеальный печатный станок — на крови, на смертях, на миллионных тиражах.

Вера больше не может оставаться просто редактором. Чтобы выжить и спасти тех, кого любит, ей придётся самой взять в руки перо и переписать финал. Даже если за это придётся заплатить собственной памятью.

Содержание

- Глава 1. Сигнальный экземпляр
- Глава 2. Бизнес на крови
- Глава 3. Дом у залива
- Глава 4. Первый труп
- Глава 5. Тень на Васильевском
- Глава 6. Редактура чувств
- Глава 7. Синдром отмены
- Глава 8. Ночные шрамы
- Глава 9. Архив отца
- Глава 10. Поцелуй под дождём
- Глава 11. Запретная зона
- Глава 12. Чёрный рынок букв
- Глава 13. Урок маскировки
- Глава 14. Бал-маскарад
- Глава 15. Вы вычеркнуты из интриги
- Глава 16. Корректурка следует за нами
- Глава 17. Финал переписан вручную
- Бонусная глава. Эксклюзивное интервью с Кристианом
- Благодарности автора
- Юридический блок и политика издательства

Введение

Эта книга родилась из простого и страшного вопроса: что будет, если слова начнут сбываться буквально?

Не в переносном смысле. Не как красивая метафора. А физически — когда строчка, написанная особыми чернилами, перекраивает асфальт, ломает тормоза, стирает человека из списков живых и оставляет на коже чужое имя.

Я долго работал в издательской среде и слишком хорошо знаю, как легко текст превращается в товар, а человек — в расходный материал для красивого переплёта. «Проклятый тираж» — это история о том, что происходит, когда магия слова попадает в руки тех, кто умеет считать только тиражи и прибыль.

В центре — Вера, младший редактор, которая привыкла править чужие рукописи и верить только в факты. И Кристиан — автор, чьи чернила уже давно перестали быть просто краской. Между ними — запретная близость, которая убивает быстрее любого киллера, и обратный отсчёт до публикации, который невозможно остановить обычными средствами.

Эта новелла — не про спасение мира. Она про то, как один человек решает переписать собственный финал, даже если за это придётся отдать память, рассудок и право на безопасную, предсказуемую жизнь.

Если вы любите мрачный Петербург, запах типографской краски, героев, которые не умеют сдаваться, и магию, у которой всегда есть цена, — добро пожаловать в этот тираж.

Чернила ещё сырые. Страницы уже перелистывают сами себя.

ГЛАВА 1. СИГНАЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

До публикации романа «Чернила мёртвых слов» осталось 7 дней. Чернила еще сырые.

Запах свежей типографской краски въедается под кожу быстрее, чем дешёвый кофе из автомата, но Вере он казался единственным честным запахом в этом городе. В двенадцать часов ночи старейшая типография Санкт-Петербурга на набережной Фонтанки напоминала чрево допотопного стального монстра. Тяжелые ротационные станки глухо ухали, сотрясая вековую кирпичную кладку, а над головой, натянутые на конвейерные ленты, бесконечными белыми птицами летели книжные развороты.

Вера поправила очки, сползшие на кончик носа от влажного тепла, и сделала очередной глоток из пластикового стаканчика. Горько, приторно и совершенно бесполезно. Глаза резало от сухой усталости. Последние три недели она жила на три часа сна в сутки, вычитывая, сокращая и буквально пересобирая по кускам чужие бездарные тексты. В свои двадцать пять Вера была младшим редактором в престижном издательском доме «Слово», что на практике означало лишь одно: вся черная, неблагодарная работа доставалась ей.

— Держи, Вера. Прямо из-под ножа. Еще тепленький, — глухой голос старого печатника дяди Коли заставил её вздрогнуть.

Он протянул ей увесистый «кирпич» в плотной технической обложке без рисунка. Это был сигнальный экземпляр — самый первый, тестовый оттиск книги, которую завтра утром должны были запустить в сотысячный тираж. Главная ставка издательства в этом сезоне. Роман загадочного автора-отшельника, пишущего под псевдонимом «Кристиан».

Вера взяла книгу. Бумага действительно была теплой, почти горячей, и слегка влажной. Название рукописи, утвержденное в обход её мнения, кололо глаз: «Чернила мертвых слов».

— Спасибо, дядь Коля. Я быстро пробежусь по качеству оттиска и подпишу акт, — устало улыбнулась Вера, направляясь к свободному монтажному столу под яркую люминесцентную лампу.

Кристиан был воплощённым кошмаром любого редактора. Он не появлялся в офисе, не давал интервью, не присылал синопсисов. Его рукописи привозил личный курьер генерального директора — всегда напечатанными на странной, плотной бумаге и почему-то написанными от руки невероятно красивым, каллиграфическим почерком с резкими, летящими росчерками. Вера перебивала этот текст в электронный формат вручную, проклиная автора каждую ночь. Его слог был гениальным, мрачным, гипнотическим, но сам Кристиан казался ей заносчивым психопатом, упивающимся собственной недоступностью.

Вера наугад открыла книгу ближе к концу, чтобы проверить плотность заливки чернил. Страница триста.

Она скользнула взглядом по ровным печатным строчкам, и вдруг её сердце пропустило удар. Воздух в легких мгновенно стал густым и холодным.

Текст на странице не был набран стандартным типографским шрифтом «Times New Roman». Прямо посреди печатного блока разместился абзац, выполненный фиолетовыми, чуть глянцевыми чернилами. И этот почерк Вера узнала бы из тысячи. Это были рукописные правки Кристиана. Но пугало не это.

Вера быстро вчитывалась в строчки, чувствуя, как внутри разрастается липкий, первобытный ужас: «...Ледяной дождь послушно смывал грязь с асфальта парковки на Фонтанке. Было ровно 00:15. Вера вышла из тяжелых дверей типографии, на ходу застегивая пальто. Она не знала, что за две минуты до этого человек в темном плаще перерезал тормозные шланги её серой "Тойоты". Она повернет ключ в замке зажигания, нажмет на педаль, и машина, набирая скорость, покатится к набережной. Вода в Фонтанке этой ночью будет темной и голодной...»

Вера отшатнулась от стола, едва не перевернув стаканчик с кофе. Книга выпала из её рук и с глухим стуком ударилась о бетонный пол, раскрывшись на той самой трёхсотой странице.

— Что за идиотские шутки... — прошептала она пересохшими губами.

Девушка огляделась. Вокруг по-прежнему гремели станки. Дядя Коля отошел к дальнему аппарату и что-то кричал своему напарнику. Всё было самым обычным, рутинным, приземленным.

Вера судорожно вытащила из кармана брюк телефон и разблокировала экран. Часы показывали 00:05.

До указанного в тексте времени оставалось ровно десять минут.

Её прагматичный, выпестованный годами учебы на филфаке разум отчаянно цеплялся за логику. Это просто злой розыгрыш! Кристиан как-то узнал, в какую смену она пойдет подписывать тираж, пробрался в электронный макет и вставил этот бред, чтобы поиздеваться над ней за то, что в прошлом месяце она сократила его описание питерских крыш на целых три страницы. Да, это просто месть уязвленного автора!

Но почему чернила на странице были фиолетовыми и объемными, словно их нанесли пером всего минуту назад? И почему при взгляде на них внутри всё кричало: «Беги!»?

Вера подхватила свою сумку со стула, даже не подняв упавшую книгу. Хватит с неё этой ночи. Завтра утром она придет в офис на Васильевском острове, швырнет этот экземпляр на стол Марку Аристарховичу и потребует снять её с этого проекта.

Она быстрым шагом направилась к выходу. Тяжелая железная дверь типографии открылась со скрипом, выпуская её наружу.

На улице действительно шел ледяной, пронизывающий октябрьский дождь. Точно такой, как было описано на злополучной трёхсотой странице.

Вера побежала по лужам к своей старенькой серой «Тойоте», одиноко стоявшей под тусклым фонарем. Пальцы дрожали так сильно, что она дважды уронила ключи, прежде чем смогла открыть водительскую дверь. Она скользнула на холодное сиденье, тяжело дыша. На часах телефона было 00:12.

— Просто глупая шутка, — вслух повторила она, вставляя ключ в замок зажигания.

Двигатель привычно заурчал. Вера включила дворники, которые с противным скрипом начали размазывать воду по лобовому стеклу. Она перевела рычаг передач, сняла машину с ручника и... по привычке чуть сильнее нажала на педаль тормоза, чтобы зафиксировать машину перед выездом.

Педаль мягко, без малейшего сопротивления провалилась до самого пола.

У Веры перехватило дыхание. Она нажала еще раз, и ещё, уже сильнее. Ничего. Педаль тормоза ушла в пол. Машина, увлекаемая уклоном старого асфальта, медленно покатилась вперед — напрямик к невысокому гранитному бордюру, за которым чернела ледяная вода Фонтанки. Вспышка фар выхватила темные, голодные волны реки.

— Нет, нет, нет! — закричала Вера, дергая ручной тормоз, но старый трос с металлическим хрустом лопнул где-то под днищем.

Автомобиль ускорился. Скорость была небольшой, от силы километров двадцать в час, но заблокированная изнутри дверь не поддавалась, а впереди, всего в пяти метрах, ждали пустота и смерть. На часах телефона загорелись цифры: 00:15.

Вдруг боковое стекло с грохотом лопнуло, осыпав салон тысячей мелких осколков. В лицо Вере ударил холодный воздух и запах мокрой шерсти. Чья-то сильная рука в чёрной кожаной перчатке ворвалась в салон, намертво схватила руль и с силой крутанула его вправо.

«Тойоту» развернуло. Раздался оглушительный скрежет металла о гранитный парапет. Машина подпрыгнула, ударилась колесом о бордюр и с тяжелым вздохом заглохла в полуметре от обрыва.

Вера сидела, намертво вцепившись в сиденье, не в силах пошевелиться. Сердце стучало где-то в ушах, как взбесившийся печатный станок.

Дверь машины рванули снаружи, открывая настежь. В проеме стоял высокий мужчина в насквозь промокшем чёрном пальто. Капюшон слетел, обнажая резкие, словно высеченные из мрамора скулы и растрепанные темные волосы, с которых капала вода. Его глаза, лишённые в этой темноте какого-либо цвета, горели яростью.

Кристиан. Автор «Чернил мертвых слов». Каким-то образом Вера, никогда прежде не встречавшаяся с писателем, сразу же узнала его. Мужчина тяжело дышал. Вера перевела взгляд на его руку, придерживавшую дверцу автомобиля. Кожаная перчатка была порвана, а из-под нее, прямо по тыльной стороне ладони, змеились тонкие, светящиеся фиолетовым шрамы-буквы.

Кристиан резко наклонился вперед, схватил Веру за плечи и буквально вытащил её из салона под проливной дождь. Напряжение между ними было таким плотным, что казалось, его можно потрогать руками.

Словно сквозь толщу воды, Вера слышала фразу: «Ты должна узнать об Ордене и о проклятье...» Внезапно её правое запястье словно обдало жаром, оно заныло от резкой, нестерпимой боли. Вера опустила взгляд и вскрикнула от нереальности увиденного: сквозь слой кожи, словно рубцы, проступили фиолетовые буквы.

ГЛАВА 2. БИЗНЕС НА КРОВИ

До публикации романа «Чернила мёртвых слов» осталось 6 дней. Чернила начинают густеть.

Утреннее солнце пробивалось сквозь серую питерскую хмарь, но этот свет казался неестественно белым, почти больничным. Вера сидела на заднем сиденье такси, прижавшись лбом к холодному боковому стеклу, и смотрела на проплывающие мимо гранитные набережные. Мысли возникали и пропадали, были ленивыми и вязкими, они создавали в голове круговорот, хаос, причиняющий физическую боль. Дождь кончился, оставив после себя лишь сырость, запах мокрого асфальта и липкое, душливое чувство нереальности.

Кристиан ушел ночью так же внезапно, как и появился. Растворился в тумане у Фонтанки, оставив её один на один с разбитым окном её старенькой машины, заклинившим ручником и горящим запястьем. Буквы под кожей больше не светились фиолетовым неоном, но были тупой, изнуряющей болью, словно застарелый шрам от ожога.

Город вокруг жил своей обычной, шумной и глубоко безразличной к чужим бедам жизнью. Люди спешили к станциям метро, кутаясь в шарфы, у придорожных киосков пахло пережаренным кофе и свежей выпечкой, на перекрестках лениво переругивались клаксонами автомобили. Никакой магии. Никаких проклятий. Обычное питерское утро. Вера даже на несколько минут поверила, что ночной кошмар ей просто привиделся из-за дикой, накопившейся за недели усталости. Но фиолетовый контур собственного имени на правой руке, надежно спрятанный под широким кожаным ремешком часов, отрезвлял лучше любого ледяного душа. Он был настоящим.

Офис издательского дома «Слово» располагался в историческом центре, в отреставрированном трехэтажном особняке на Васильевском острове. Внутри всё дышало тем самым европейским лоском, который так ценил их генеральный директор: дорогие дубовые стеллажи с лучшими релизами компании, приглушенный свет, мягкие ковры, полностью глушащие шаги, и вежливый, едва слышный гул голосов сотрудников. Это была империя успеха, построенная на буквах.

Вера не шла, она почти бежала по коридору третьего этажа, игнорируя приветственные кивки коллег и дизайнеров. Она сжимала сумочку так сильно, что побелели костяшки пальцев. Ей нужно было увидеть Марка Аристарховича. Прямо сейчас, пока страх окончательно не парализовал волю.

Она толкнула тяжелую дверь кабинета генерального директора без стука, нарушая все мыслимые правила корпоративного этикета.

Марк Аристархович, как всегда безупречный, в сером костюме-тройке индивидуального пошива и с идеально уложенными седыми волосами, сидел за огромным столом из массива темного ореха. Он неторопливо пил эспрессо из крошечной фарфоровой чашки и просматривал графики предзаказов на планшете. В кабинете приятно пахло дорогим парфюмом с тонкими нотами дорогого табака и кондиционированным воздухом.

— Верочка? — он удивленно поднял аккуратно выщипанную бровь, оценив её растрепанный вид, бледное лицо и синяки под глазами. — Ты почему не дома? Дядя Коля еще ночью отчитался, что сигнальный экземпляр ты проверила и акт подписала. Молодец, дорогая, тираж уже пошел на ротационные станки. Книга бьет все рекорды продаж еще до официального релиза. Мы снимем сливки с этого сезона.

— Марк Аристархович, остановите станки, — Вера подошла к столу, оперлась о лакированную поверхность дрожащими руками и посмотрела шефу прямо в глаза. — Эту книгу нельзя выпускать. Её вообще нельзя давать людям. Она опасна.

Директор медленно, с легким стуком опустил чашку на блюдце. Дорогой фарфор звякнул в тишине огромного кабинета слишком предупреждающе. На его лице не отразилось ни тени испуга, лишь легкое, снисходительное раздражение, с каким взрослые обычно смотрят на капризных или переутомившихся детей.

— Опасна? И чем же? Неужели наш скрытный гений Кристиан снова переборщил с описанием анатомических подробностей в сцене убийства? Вера, брось этот филологический сно-

бизм. Это триллер высокого полёта. Читатель хочет крови, он хочет чувствовать страх, и он за это платит хорошие деньги.

— Дело не в тексте на бумаге, — Вера шумно выдохнула, чувствуя, как её прагматичный разум окончательно сдает позиции под натиском фактов. — Сюжет книги сбывается в реальности. Ночью в типографии я открыла трёхсотую страницу. Там была рукописная правка Кристиана, написанная фиолетовыми чернилами. В ней во всех подробностях было написано, что у моей машины откажут тормоза в четверть первого на Фонтанке, и я улечу в реку. И они действительно отказали, Марк Аристархович! Меня спас сам автор, который приехал туда потому, что сам испугался этой строчки.

Марк Аристархович замер. Его взгляд на секунду стал очень холодным, расчётливым и цепким, но затем он мягко откинулся на высокую спинку кожаного кресла и негромко рассмеялся. Его улыбка была тёплой, располагающей, но глаза оставались абсолютно сухими и неподвижными.

— Верочка, милая моя. Ты просто переработала, у тебя классический синдром выгорания. У Кристиана тяжелый, вязкий слог, он профессионально давит на неокрепшую психику. Я сам после его черновиков иногда сплю с включённым торшером. Но тормоза в старой японской машине ломаются из-за износа металла и плохой погоды, а не из-за строчек в романе. Ковровский, наш главный городской критик, вон тоже всю неделю поливал Кристиана грязью в прессе, кричал на каждом углу, что автор исписался и его пора выкинуть на свалку истории. И что с того? Жив, здоров, небось прямо сейчас строчит очередную гадость в свой блог.

— Ковровский мертв, — тихо, почти беззвучно перебила его Вера. — Посмотрите внутренние криминальные сводки за утро, если мне не верите. Его нашли два часа назад в собственной постели. Он задохнулся. А вокруг тела были аккуратно раскиданы листы с его же разгромной статьей. Это сорок пятая страница нового романа Кристиана. Я лично вычитывала этот абзац позавчера днем и просила автора смягчить сцену. Он отказался.

Смех директора оборвался мгновенно, словно перерезали провод, по которому он поступал. Марк Аристархович медленно встал из-за стола, подошел к огромному панорамному окну, выходящему на тихий питерский переулок, и заложил руки за спину. Тишина в кабинете стала осязаемой, тяжелой. Было слышно, как в углу мерно и глухо тикают старинные напольные часы с маятником. Каждое их движение приближало дедлайн.

— Ты умная девочка, Вера, — заговорил директор, не поворачиваясь к ней лицом. Его голос полностью потерял прежнюю отеческую мягкость, став сухим, ровным и пугающе деловым.

— И твой отец был очень умным человеком. Слишком умным для простого журналиста-расследователя. Именно поэтому я взял тебя к себе на работу без опыта, когда он пропал без вести пять лет назад. Я думал, ты унаследовала его аналитический склад ума, его умение видеть структуру, а не склонность к дешёвым мистификациям и панике.

Вера вздрогнула при упоминании отца, внутри всё сжалось от застарелой боли, но она заставила себя стоять прямо.

— Вы знали, — выдохнула она, чувствуя, как к горлу подступает горький ком. — Вы с самого начала знали, что книги Кристиана обладают этой жуткой силой. Вы используете его.

Марк Аристархович медленно повернулся. На его холеном лице больше не было маски заботливого наставника. Перед Верой стоял циничный, жесткий медиамагнат, который привык ломать чужие жизни ради прибыли и тиражей.

— Я знаю только одно: Кристиан приносит этому издательскому дому миллионы, — отчеканил он, делая несколько шагов обратно к своему столу. — На этот роман уже оформлено сорок тысяч чистых предзаказов по всей стране. Контракт с крупными торговыми сетями и инвесторами подписан. Неустойка за срыв сроков публикации уничтожит «Слово» за одни

сутки. Мы пойдем с молотка. Мне плевать на совпадения и на твои страхи, Вера. Станки работают и будут работать. Книга выйдет ровно через неделю, как и запланировано.

— Но на трёхсотой странице написано, что меня убьют на официальной презентации романа! — Вера окончательно сорвалась на крик, судорожно сдергивая с руки часы и выставив вперед запястье. — Посмотрите на это! Это его почерк! Чернила проступают у меня прямо под кожей, они горят!

Марк равнодушно скользнул взглядом по её руке. Его зрачки на долю секунды расширились, но он тут же взял себя в руки. Он даже не попытался прикоснуться к её запястью, словно панически боялся испачкаться или подхватить неизвестную болезнь.

— Послушай меня внимательно, — директор наклонился над столом, упираясь ладонями в дерево, его голос упал до зловещего, пронизывающего шепота. — Твой отец пять лет назад тоже пытался копать под Орден, пытался выяснить, откуда у Кристиана эти чернила и бумага. И где он теперь? Напомнить тебе? Хочешь повторить его судьбу и навсегда исчезнуть из списков живых? Ты останешься на этом проекте. Будешь личным ведущим редактором Кристиана до самого дня релиза. Твоя задача — контролировать каждый его шаг, каждую строчку, которую этот псих выводит на бумаге. Если ты пойдешь в полицию, к журналистам или попытаешься сбежать из города, я уничтожу твою репутацию и твою жизнь так, что тебя не возьмут работать даже сортировщицей макулатуры на свалке. Ты меня хорошо поняла, Вера?

Вера смотрела на него и с ужасом понимала: этот человек действительно не остановится. Магия Кристиана для него была не проклятием и не трагедией, а идеальным, безотказным печатным станком, генерирующим безграничную власть и колоссальные деньги. На крови, на смертях — ему было все равно.

— Свободна, — Марк Аристархович демонстративно сел обратно в кресло и взял в руки планшет, показывая, что аудиенция окончена. — Завтра к двум часам дня жду от тебя полный отчет по промежуточной вычитке рекламных материалов для прессы. И приведи себя в порядок, наконец. Ты лицо нашей компании, а не вокзальная побирушка.

Вера медленно, почти вслепую надела часы обратно на руку, тщательно скрывая фиолетовое клеймо, и, с усилием переставляя непослушные ноги, вышла из кабинета. В коридоре её едва не сбил с ног скромный, вечно сутулящийся главный редактор, тащивший огромную стопку старых архивных документов. Он притормозил, поправил пальцем съехавшие набок очки в дешёвой оправе и посмотрел на Веру странным, слишком долгим и внимательным взглядом.

— Вера, с вами всё хорошо? — тихо, с какой-то вкрадчивой заботой спросил он, косясь на её правую руку. — Вы сегодня необычайно бледны. Знаете, фиолетовый оттенок вам совсем не идет. Сейчас в моде более теплые, живые цвета. Берегите себя.

Веру обдало ледяным жаром от кончиков пальцев до макушки. Она отступила на шаг, судорожно прижимая правую руку к груди. Откуда этот тихий человечек знает про фиолетовый цвет?

— Всё в порядке, просто голова кружится, — бросила она и почти бегом устремила к лестнице, чувствуя, как роскошные стены старинного особняка начинают медленно сжиматься вокруг неё, превращаясь в каменный капкан.

У неё больше не осталось выбора. Мир вокруг рушился, и единственным человеком, который знал правила этой безумной игры, был мрачный автор-затворник. Ей нужно было срочно ехать к Кристиану.

ГЛАВА 3. ДОМ У ЗАЛИВА

До публикации романа «Чернила мёртвых слов» осталось 5 дней. Бумага становится тяжелее.

Старый пригородный автобус тяжело дышал на ухабах, увозя Веру всё дальше от привычного, понятного Петербурга. За окном мелькали серые стволы прибрежных сосен, наполовину скрытые плотным молочным туманом, принесённым с Балтики. Пассажиров почти не было: пара молчаливых дачников с пустыми ведрами да хмурый старик в засаленной штормовке. Вера сидела у самого окна, прижав к коленям потертый кожаный портфель с распечатанными первыми актами рукописи, и пыталась унять мелкую дрожь в пальцах.

Адрес, который она силой выбила из базы данных секретарши Марка Аристарховича, не значился ни на одной электронной карте. Это был глухой тупик в районе старого Комарово, где среди вековых деревьев прятались заброшенные дореволюционные дачи.

Автобус затормозил у покосившейся остановки, и Вера вышла в сырую, пахнущую прелой хвоей и солью пустоту. Туман здесь был настолько густым, что казался осязаемым. Он ложился на лицо мелкими каплями влаги, заставляя ежиться от пронизывающего ветра.

Она шла по узкой песчаной тропинке, ориентируясь только на глухой, мерный шум прибоя где-то впереди. Наконец, из серой пелены проступили очертания массивного забора из черного морёного дуба, а за ним — сам особняк. Дом в стиле северного модерна выглядел одновременно величественно и пугающе. Острые шпили крыши уходили прямо в низкое небо, каменный фундамент оброс темно-зеленым мхом, а узкие, вытянутые окна первого этажа были плотно занавешены тяжелыми портьерами. Никаких признаков жизни. Дом казался бы необитаемым склепом, если бы не тонкая струйка серого дыма, лениво поднимающаяся из высокой кирпичной трубы.

Вера подошла к тяжелой кованой калитке и потянула за стальное кольцо. Раздался резкий, ржавый скрежет. Она сделала глубокий вдох, стараясь вернуть себе маску уверенного в себе профессионала, и зашагала по каменной дорожке к крыльцу.

Ей не пришлось стучать. Тяжелая дубовая дверь отворилась сама, из глубины дома почувился вздох паркетных досок. Внутри царил полумрак, разбавленный лишь слабым янтарным свечением старинных ламп. В воздухе стоял густой, непривычный аромат: так пахнет в старых архивах, где веками хранятся редкие фолианты. Горький кедр, сушеные травы и резкий, металлический привкус йода.

— Вы настойчивы, редактор. Это ваше главное достоинство и ваш самый опасный порок, — глухой, слегка охрипший голос раздался из глубины просторного холла.

Кристиан сидел в глубоком кресле у огромного камина, в котором лениво потрескивали березовые поленья. На нем был простой черный свитер с высоким воротом, подчеркивающий его болезненную бледность и резкие скулы. Окна за его спиной выходили прямо на бурлящий Финский залив, и казалось, что огромные серые волны бьются прямо о стены дома.

— Марк Аристархович отказался останавливать тираж, — Вера прошла вперед, не дожидаясь приглашения, и с глухим стуком опустила портфель на низкий журнальный столик. — Он угрожал мне. Сказал, что если я попытаюсь уйти, он уничтожит меня так же, как уничтожил моего отца пять лет назад.

Кристиан медленно поднял голову. В полумраке его глаза казались абсолютно черными, лишенными зрачков. Он бросил взгляд на её правую руку, на которой Вера теребила ремешок часов.

— Марк — всего лишь торговец, — цинично усмехнулся автор, и в его голосе послышалась усталость человека, который слишком долго не спал. — Он умеет считать только цифры и прибыль. Для него наши жизни — это просто расходный материал для красивого переплета.

Зачем ты приехала сюда, Вера? Я ведь ясно сказал тебе ночью: уходи. Держаться от меня подальше — единственный способ для тебя дожить до понедельника

— Ты обещал, что мы найдем того, кто переписал финал, — Вера сделала шаг вперед, её голос окреп, прагматизм филолога требовал ответов. — Я не умею бегать, Кристиан. Я привыкла работать с текстом. Если эту чертову книгу нельзя остановить, значит, мы должны её отредактировать. Изменить сюжет. Вычеркнуть сцену моей смерти.

Кристиан резко встал. Он был высоким, угловатым, и в его движениях чувствовалась скрытая, опасная сила. Он подошел к столику, взял одну из страниц рукописи и посмотрел на Веру с мрачным превосходством.

— Отредактировать? — тихо повторил он, шаг за шагом приближаясь к ней. — Ты думаешь, это обычная бумажная макулатура, которую можно переkreить по вашему желанию ради счастливого финала? Ты не понимаешь природы этих чернил.

Он протянул вперед свои ладони. В неровном свете камина Вера отчетливо увидела, что вся кожа на его пальцах изрезана тонкими, глубокими шрамами фиолетового цвета. Они складывались в хаотичные, пугающие узоры, похожие на обрывки древних слов.

— Магия текста не берется из ниоткуда, — Кристиан говорил тихо, но каждое его слово звучало в тишине комнаты резко и тяжело, словно кто-то бил в старинный колокол. — Каждое изменение реальности требует эквивалентного обмена. Бумага должна впитать эмоцию, боль или воспоминание. Хочешь посмотреть, как это работает на самом деле? Как твоя логика рассыплется в прах?

Он резко развернулся, подошел к рабочему столу, на котором стояла тяжелая хрустальная чернильница с густой фиолетовой жидкостью, и взял длинное серебряное перо. Кристиан вытащил из ящика чистый, пожелтевший от времени лист бумаги.

— Вспомни что-то очень важное для тебя, Вера. Что-то, что определяет тебя как человека. Твое самое яркое, светлое воспоминание из юности, — приказал он, не оборачиваясь.

Вера на секунду замешкалась, но под его гипнотическим взглядом сдалась.

— Мой выпускной в университете, — тихо сказала она. — Отец тогда еще был со мной. Он подарил мне старую перьевую ручку своего деда и сказал, что я стану лучшим критиком в этой стране. Я помню этот день до мельчайших подробностей: запах сирени у главного корпуса, вкус шампанского, цвет его старого пиджака...

Кристиан быстро, с резким скрипом пера вывел несколько слов на бумаге. Вера завороченно смотрела, как фиолетовые строчки мгновенно впитываются в сухую поверхность листа, словно уходя вглубь структуры.

Затем Кристиан взял спичку, чиркнул ею о коробок и поднес огонек к углу листа. Бумага вспыхнула мгновенно, но пламя было не оранжевым, а холодным, фиолетовым. Оно не оставило после себя серого пепла — лист просто исчез в воздухе, растворившись без следа.

В ту же секунду Веру словно ударило током. Внутри её головы что-то хрустнуло, как хрупкое стекло. На мгновение перед глазами поплыли черные круги.

— Что... что ты сделал? — прошептала она, хватаясь рукой за край стола. Внезапно она поняла, что в её мыслях образовалась огромная, пустая дыра. Она помнила, что училась в университете, помнила, что был выпускной, но лицо отца, его слова, подарок — всё это стерлось, превратившись в безликое, серое марево. Воспоминание исчезло физически.

— Я вычеркнул этот день из твоей жизни, — Кристиан бережно опустил серебряное перо обратно в подставку и повернулся к ней. В его глазах не было торжества, только глубокая, бесконечная скорбь. — Каждое слово, написанное этими чернилами и уничтоженное, стирает часть реальности. Теперь ты понимаешь? Если мы просто попробуем вычеркнуть сцену твоей смерти на презентации, реальность потребует плату. И этой платой может стать твоя личность, твой рассудок или жизни сотен людей, которые окажутся рядом. Текст нельзя просто переписать. Его нужно обмануть. Нам нужно найти того, кто держит в руках второе перо, пока чернила в тираже окончательно не высохли.

Вера стояла, не в силах сдержать слез, которые катились по её бледным щекам. Логичный, прагматичный мир, в котором она так долго пряталась от боли после исчезновения отца, окончательно рухнул, оставив её беззащитной перед лицом древней, безжалостной силы.

ГЛАВА 4. ПЕРВЫЙ ТРУП

До публикации романа «Чернила мёртвых слов» осталось 4 дня. Запах фиолетовой краски становится едким.

Пробуждение было резким, словно от физического толчка в грудь. Вера открыла глаза и несколько секунд неподвижно смотрела в высокий, теряющийся в полумраке потолок, отделанный тяжелыми балками из темного мореного дуба. На мгновение ей показалось, что она всё еще находится в салоне своей падающей в Фонтанку машины, но мерный, сонный треск прогорающих в камине березовых поленьев вернул её в реальность.

Она не помнила, как заснула прямо здесь, в глубоком кожаном кресле гостиницы особняка в Комарово. Кристиан укутал её в тяжелый шерстяной плед, который теперь пах дымом и сухой хвоей. В огромные панорамные окна больше не стучал ледяной штормовой дождь, но серый балтийский туман за стеклом стал настолько густым, что полностью стер границу между землей, черными соснами и Финским заливом. Мир вокруг замер, превратившись в беззвучное серое марево.

Вера осторожно спустила ноги на холодный паркет и поморщилась: правое запястье под кожаным ремешком часов снова заныло тупой, изнуряющей болью. Она расстегнула пряжку и осмотрела руку. Фиолетовые буквы её собственного имени, проступившие ночью прямо под нежной кожей, стали четче и темнее, словно маслянистые чернила Кристиана намертво укоренились в её капиллярах. Они пульсировали в такт биению сердца.

— Ты долго спала. Тело пыталось компенсировать то, что я у него забрал, — тихий, слегка охрипший голос Кристиана заставил её вздрогнуть.

Автор стоял у кухонного острова, спиной к ней. На нем были всё те же черные вещи — свободный свитер с высоким воротом и мятые брюки. Он методично наливал в толстую керамическую кружку густой черный чай, и над столом поднимался ароматный пар с нотками чабреца и дикой мяты. Кристиан обернулся, подошел и протянул ей кружку. Вера, помешкав секунду, приняла её. Их пальцы на мгновение соприкоснулись, и её обдало странной, почти пугающей волной сухого, чистого тепла, от которого буквы на запястье на секунду слабо отозвались фиолетовой вспышкой.

Она поспешно отступила на шаг, садясь обратно в кресло и прижимая ладони к теплой керамике. Правило запретной зоны, которое они установили ночью, работало со скрипом: его

физическое присутствие в этой изолированной туманом комнате ощущалось слишком остро. Каждое движение Кристиана, резкий излом его скул в полумраке, запах кедра, исходящий от его одежды — всё это выбивало почву из-под ног Веры сильнее, чем рушащийся мир рациональных фактов.

— Нам нужно работать, — Вера сделала глоток обжигающего чая, стараясь, чтобы её голос звучал максимально собранно и профессионально. — Вчера в издательстве, перед моей поездкой в типографию, Марк Аристархович упомянул Ковровского. Нашего главного городского критика. Марк смеялся и говорил, что Ковровский жив и здоров, несмотря на свои разгромные статьи в прессе. Но я точно помню, что в твоём черновике, на сорок пятой странице, было подробно, до мельчайших физиологических деталей описано его удушье. Нам нужно проверить городские новости.

Кристиан не ответил. Он молча подошел к низкому деревянному столику, взял старый пульт и включил жидкокристаллический телевизор, закрепленный на стене среди книжных полок. Экран пару раз моргнул, выдавая серые полосы помех из-за плохой связи в глухом лесу, но затем поймал сигнал местного питерского канала.

На экране на фоне мрачного серого доходного дома на Петроградской стороне стояла молодая журналистка в насквозь промокшем плаще. Её волосы растрепал ветер, а лицо было бледным от волнения. На заднем плане, разрезая туман, тревожно мигали сине-красные маячки двух машин скорой помощи и полицейского фургона. Оператор выхватил кадр: санитары выкатывали из парадной черное пластиковое палантинное ложе.

«...Трагедия на Большом проспекте, — быстро и взволнованно говорила девушка, прижимая микрофон к синеющим губам. — Сегодня около шести часов утра в своей квартире был найден мертвым известный литературный критик и публицист Анатолий Ковровский. По предварительным данным следствия, смерть наступила в результате острого приступа асфиксии. Эксперты заявляют о редкой, молниеносной форме отека легких, однако внимание оперативников привлекла пугающая деталь: вся спальня погибшего была буквально завалена распечатанными листами его последней разгромной статьи, а на губах и лице мужчины остался налет неизвестного фиолетового пигмента химического происхождения...»

Кристиан резко нажал на кнопку, и экран с сухим щелчком погас, оставив после себя лишь тихое, монотонное гудение старого кинескопа.

Вера медленно опустила кружку на столик. Чай внутри неё мелко задрожал. Её прагматичный мир, выстроенный на филологических фактах, цитатах и логике, окончательно разлетелся на куски. Документальная точность, которую она так ценила, теперь обернулась против неё. Ситуация вышла из-под контроля.

— Это сорок пятая страница, — прошептала она, чувствуя, как ледяной пот проступает на спине. — В точности. До единого слова. Ковровский написал отвратительную рецензию на твой прошлый роман, обвинил тебя в шарлатанстве, и кто-то... кто-то отомстил ему твоим же текстом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.